

Батоно Гамлет — человек ли он?

Москвичи увидели два новых спектакля тбилисского Театра имени Руставели

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Из четырех навалиев, представленных руставелинцами в Москве, ровно половина — «Кавказский меловой круг» и «Двенадцатая ночь» — была знакома нам прежде. Первый спектакль — Брехт, пустивший корни в землю Сакартвело, — это статусная легенда главного грузинского театра, существующая в его репертуаре уже двадцать седьмой сезон. Комедия Шекспира, напротив, «огрузинили» совсем недавно, но премьера сразу же очутилась в афише прошлогодней Всемирной театральной олимпиады.

Посему наибольшим интерес искусственной публики вызвали «Человек ли он?» по одноименной новелле Илья Чавчавадзе и, разумеется, свежий тбилисский «Гамлет» — не терпелось сравнить его с постановкой того же Стурца в «Сатириконе». Два «Гамлета» родственные черт практически не обнаружили, и это делает честь их создателю — он знает, что нельзя работать с русскими, как с грузинами (и наоборот).

У нас, то есть на сцене «Сатирикона», был душа-Призрак — «кентервильское пришествие» в потрепанном халате, который шуршал тайком по хозяйству в бывшем своем замке, никого не путал, маялся скукой, завдождал жиловому-здоровому Клавдию, и вся закрученная им интрига («Прощай, прощай и помни обо мне!») была чем-то средним между небольшим развлечением и мелкой же мстостью.

Грузинский Призрак (Давид Гогвадзе) — уродец, монстр, шаман в трансе, азбесивший павилон. Так и норовит с разбега взлететь кому-нибудь на плечи — его отдирают с брезгливым ухмылом. Реально востает из преисподней, Гамлет-младший еле успевает поперидержить доску каблук, чтобы кшмарное выливание не слишком расшаталось.

В «Сатириконе» Призрак и Клавдий достались одному исполнителю — Александру Филипенко. Не просто браться, но близиться, а проше говоря, одного поля ягоды. Илья Ягоды? Живой король — лихесмер, циник, человек сугубо практический. Польза дела превыше всего. Если палец мешает полке дела, смотри пункт первый. Мертвый король и за гробом не поучил, а тут родного сына в жупку авиашторм, погубил семью и разорил государство...

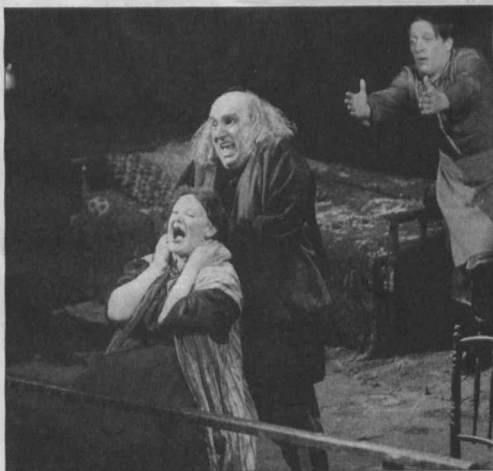
Тбилисский Клавдий (Леван Берикашвили) тоже лшесмер, однако на Гамлета-старшего ничуть не похож. Это рослый, плечистый, многоухоженный шкаф. Супругу он носит на руках, вернее даже на одной руке — так миниатюрна ридом с ним эта птичка-вертуговица с синертой и закатливой сумочкой через дождик. У правыхи чемы явно заткнулся меловой месяц — ей жесты и взгляды сочтены похотью. Но, надо сказать, «костюм» зротики в тбилисском спектакле значительно меньше: у «сатириконовцев» наскочило, я помню, пыльная Гертруда чомичась на авансцене, там же, в опасной близости от первого ряда, связнувшаяся Офелия достала орлами известным методом «помогите себе сам», и чересур зрелый сын (Констатин Раякин) недальсмысленно домогался своей слишком молодой мамы... В грузинском варианте Гамлет задумывал коммюнеком не страдал, он лишь бесстрастно ладает свою юную подругу, что вполне объяснимо, ну и Клавдий, мужчина в самом расцвете сил, тоже опалел Офелию крикливо-шерстной новорочной стрости. Гертруда (Мария Чичинадзе) мужа слегка ревнует и мило, но настойчиво ориентирует хорошенькую девочку в сторону прина. Даже дарит ей перла решающим свиданием «поросле» туфли...

Офелия (Натасе Сухашвили) в самом деле очаровательная — тонкая, нежная, скромная. Максимум развзности, который она себе позволяет — в минуту помешательства навалить красивые чулки и прокатать по сцене верхом на палочке, маявша, как позарная сирена. Эффект поразительный.

Гамлет Раякина был подполжен испепелавшей ненавистью к собственной персоне, уничтожавшей весь мир, только чтобы исчезнуть с ним эаодно, сотрясавшись в агонии сомнений и мучительно выливающимся в утлу самоубийства. Гамлет — Заи Палушвили более изоруд душевно, более благополучен и в каком-то смысле тут: он прохладит путь от ниюки и хныкалки (сын глумится в слезах и Призраку глаз платком утирает) до желетного Фортинибаса. Когда малосимпатичные спесивые актеры начинают навалываться ему «Буть или не буть», до епис напильник правильную интонацию, Гамлет просто рвет листочки с монологом в мелкие клочья — будет знать, как фимилмариничать с наследником престола. Прежде чем окончательно умереть, принц, на цыпочках, короткими перебежками, пропутешествует от трупа к трупу, каждому заглядывая в лицо (е-мое, что ж и сказать-то...).

«Гамлет» в «Сатириконе» был кавказским лишь на уровне аромата. «Гамлет» с лейблом Made in Georgia абсолютно соответствует контрастному национальному характеру: это спектакль пижонский, вылизанный, чуть агрессивный и зачетно наденный, но при этом свойственный и эстетический и артистический, как посол Грузии в России Зураб Абашидзе... Зрелье почти физически ощущается пуповина, связавшая всех персонажей в единый клан, — русским свойственно существовать по отдельности, грузинам — вместе. И еще очень смешно, когда К Гамлету почтительно обращаются «батоно». Непривычно как-то...

Ни в том, ни в этом «Гамлете» выныл злодей нест. Для интентности ужаса в «Сатириконе» были придуманы тени, бесцельно скользящие по стенам, тени серые и черные, араве бы живые, но бесцельные всякие призраки, глаза поасмотривавшие, уши послушывающие и руки, готовые передать клинок или отраву в нужный момент в нужное место. Тбилисский «Гамлет» тоже откровенно красной завязкой из театра теней, но в данном случае это всего лишь приглашение к игре. Будем заблуждаться по правилам, установленным принцем. Чем остальные хуже мертвого

Шекспировские страсти: что лучше — босбаш или чихартма?

Ничто человеческое принцу не чуждо...

король? И мы хотим быть призраками! Полоний (Маджа Каренишвили), старый король Пьеро, картинно умерев, поднимается и самостоятельно показывает место убийства. А череп парю-тройку сцен его обнуарул на клавише с лопатой в руках, и заманчивый диалог: «Чья это могила?» — «Моя, сузари...», приобретает уже комическую, а впоследствии и трагическую окраску. Да и Офелия сразу после локорон выползает и в своего гроба легкой, бесосежной душой...

Кстати, драка в своей могиле, когда Гамлет с Лазортом (Лавра Лавра) бьют друг друга морды и орут про свои чувства к Офелии, как два азбесивших марала, — это чуть ли не единственная прямая цитата из «сатириконово» спектакля. Ну и еще та сцена, где принц шеплет черн Йорка в черные тубы.

С Гамлетом никто не воюет. Ему никто не желает зла. Полоний просто хороший отец, заботливый и строгий. Иногда чрезмерно строгий — рвет у дочери сержик вместе с ушами... Розенкранц и Гильденстерн — это Бобиканский и Добчинский, так же ироничны и неразлучны, так же, вылезая всем телом, тяжело и страшно дыша, подползают к верховной власти и опять оказываются в нежелательной роли стрелочников... Гертруда и Клавдий охотно подыгрывают представлению «Мышляеком» — все для ребенка, чем бы дитя ни тешилось... Король подливает племяннику мыслую — острый, мол, выкипят же ратуи коммунизменный, но тот, крича физиономико, только слышит каплю.

Когда же Гамлет вступает к Лазортом в смертельный поединк (почау безу всякого оружия — они налетают друг на друга гулко, как бойцовские пугачи), Клавдий бзвет вызвать в сторонку, поблескивая сплшми, считать петию. Ему нужно, чтоб из сматного им лично клубка поучилось что-то, пригодное для дальнейшей жонки. Однако безотступный конец давно решил: дальнейшее — молчание.

Поскольку Гамлет нахуарвал в своей стране не хуже любого захватчика, то настоящих жалитчикам не сцене и зелью то особенно нечего. Вышел Вольфганг (Зураб Шава) в клетчатой купюке, приготовившись как следует обурвать зал: «А вы, немые свидетели...», но махнул рукой и со спокойной предпрительностью закончил: «Убери трупы...». Тиво: хоть такую малость сделать, раз на больше не способим.

Стурца вообще извелся и не добр. В тбилисском «Гамлете» ли качества проявились сильнее, чем в московском, потому что здесь он в постях и может рассуждать о вечном и отлаченном, в там, дома, жизненный контекст важнее драматургического текста.

«Родина, клад мой бесценный, в чем ты грустишь?» — вопрошал духовный отец нации Илья Чавчавадзе.

На его похоронах, 30 августа 1907 года, другой поэт, «солвей Грузии» Акакий Церетели сказал: «Грузия, ты достойна плавка...»

Потому что Великий Илья учил: «Друга ругай в лицо, недруга за глаза».

Новелла «Человек ли он?» имеет в русском переводе альтернативное название: «И это человек?», очевидно более мягкое. Первые рецензии подражывают: вовсе даже не человек, в настоящие животное, скотина — журица, пыющая, сплшная. Вторая как бы рязочарованно утончает: и это все? Больше ничего не будет? Неужели человек нечернывается списком физиологических потребностей?

«Человек ли он?» — это «Стрелецские помещики» по-грузински. Безотчетно мелкопоместный княжеская пара — Луарсб Таткардзе и его жена Дареджан — живут свои дни размерено и бессобытийно в окружении слуг и домохозяек. Остаток бжи, туалет из плетеной трутлечи, завазвонный розпалый, дребезжащий уличный ушачилин, простые прощеры. На отеленной кривой турме бы смекает несколько забытых плодов. Все ветское, прозрачное, «скелетное» — история изнасилась.

Главная забота супругов, как и у Тоголя, что бы еще пошло? Гамлетский вопрос: «Что лучше — босбаш или чихартма?». Это единственное повод для спорю — долгов и яростных, когда жена даже слегка подает мужа ножкой, а он, не желая уступать, обывалет гололовку и дергает ее, скользя в силках, несколько минут... Стурца ввел в спектакль параллельную линию: садясь за стол, все слышит далекий выстрел, и чуть позже выясняется, что им не куропатка была поастрелена, в гордость Рутини — Илья Чавчавадзе (выпускник юридического петербургского университета, поэт, прозаик, учредитель первого грузинского Дворянского банка, бесценный преематель Общества по распространению грамотности среди трутчи, главный редактор прогрессивно-демократического газеты «Иверия», где печатал свои первые стихи семинарист Дзугашвили, друг Чернышевского, в итоге убитый не то царской охранкой, не то большевиками, а скорее — первыми по наводке жюри...).

«Осиротевшая» нация в лице супругов Таткардзе ни аппетита, ни сна не лишилась, продолжает кормить своих курочек, считать мух на потолке, заниматься любовью (очень нежно — чул просто качает жену на коленях, словно убегиница), травить байки («Древо добра и зла спрятано за семью замками в золотой комнате русского царя») и вспоминать на досуге непростую историю своего сватовства («поделенная невеста, торгом и перестрелкой»). Время от времени, когда «Сулуюк» уже сплел, в на стол еще не подано, они мелкоком поминуют погибшего Илью.

Потом родственники дарят им бесполоею поилу лозуку (знающие люди объяснили мне, что в Грузии лозука делится по половому признаку — в мужских сконструирована особая трубочка для отвода лишней жидкости из детского ортнума), и супруги отправляются в Тифлис — на поклонение иконе. Еду просит Богородицу, чтобы даровала им дитя. С момента гибели Чавчавадзе минул уже год.

Пулуд, косматый, смешной Луарсб (Жаляри). Попаивая и смех смахивает на ребенка. Может, и дитяи он, и бабора, и не селя плавей по лбу, но вреда от него, если выдумать, меньше, чем от Гамлета. Ровное течение жизни, в которой нет места познанию, не отвращает, а возмужает. Человек не обман бы героем. Человек хочет вкусно кушать, спать с женщиной и улыбаться первым нагам дождливого сына — что здесь плохого? Однако и на влолке земие в Кахети связь времев распалась, как много веков назад в датском королевстве. Идиллия рухнула. Князь поапором беремуженую жену и умер сам. Но, умерев, еще долго прожил залу закатевшимся указательным палыцем. Что он хотел сказать? Я — человек?..